

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УСТАНОВОК ПРАВОСОЗНАНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА НАКАНУНЕ СОБЫТИЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1920 ГГ.)

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-1-5-11>

Актуальность статьи обусловлена тем, что в последние десятилетия вновь пробудился интерес к правовому положению крестьян во второй половине XIX – начале XX вв. Данная статья посвящена выявлению установок и ориентаций правового сознания российского крестьянства накануне революционных событий 1917 г. и Гражданской войны (1917–1920 гг.). Основное внимание уделено изучению причин формирования в правосознании селян разнонаправленных правовых установок, которые придали формам и проявлениям их участия в политической борьбе противоречивый характер во время гражданского противостояния. Цель работы – осмысление направленности динамики развития правосознания земледельцев в начале XX в. Для анализа привлечен большой фактический материал из фондов Тульского государственного областного архива. Новизна исследования состоит в попытке на основе изучения архивных материалов провести сравнение официального законодательства 1886 г., определяющего правовое положение крестьян, с повседневной практикой договорных отношений в сфере найма в деревне. Использование сравнительно-правового, исторического и логического методов позволило выявить характер соотношения обычая и закона в названной сфере и сделать вывод об особенностях формирования правового сознания в крестьянской массе.

СКРЯБИН

Игорь Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Тульского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Тула)

ig1012008@yandex.ru

Правосознание крестьян; крестьянство; сельские рабочие; обычное право; закон о найме; наемный труд; революции 1917 г.; Гражданская война (1917–1920 гг.)

Igor V. SKRYABIN

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of State Law Disciplines, Tula Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (Tula)

ig1012008@yandex.ru

Legal consciousness of the peasants; peasantry; rural workers; customary law; law of employment; wage labor; Revolution of 1917; Civil War (1917–1920)

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE PEASANTRY'S LEGAL CONSCIOUSNESS ON THE EVE OF THE EVENTS OF THE REVOLUTION OF 1917 AND THE CIVIL WAR (1917–1920)

The relevance of the article is due to the fact that in recent decades, renewed interest in the legal status of the peasants of the second half of the 19th – early 20th century. This article is devoted to the identification of attitudes and orientations of the legal consciousness of the Russian peasantry on the eve of the revolutionary events of 1917 and the Civil War (1917–1920). The main attention is paid to the study of the reasons for the formation of multidirectional legal attitudes in the legal consciousness of the villagers, which gave the forms and manifestations of their participation in the political struggle a contradictory character during the civil confrontation. The aim of the work is to understand the direction of the dynamics of the development of legal consciousness of farmers in the twenties of the twentieth century. The analysis involved a large factual material from the funds of the Tula State Regional Archive. The novelty of the study consists in an attempt, based on the study of archival materials, to compare the official legislation of 1886, which determines the legal status of peasants, with the daily practice of contractual relations in the field of employment in the village. The use of the comparative legal, historical and logical method allowed to reveal the nature of the relationship between custom and law in this sphere and to draw a conclusion about the peculiarities of the formation of legal consciousness in the peasant mass.

Спектр исследований поведения и воззрений русского крестьянства в революционном 1917 г. и военных 1918–1920 гг. весьма разнообразен. Данная проблематика историографически как в отечественной, так и в зарубежной традиции претерпевала ряд интересных и зачастую кардинальных поворотов, что прежде всего связано с поиском и толкованием природы и целей гражданской войны для различных социальных слоев. Спустя 100 лет после начала этих судьбоносных событий в современной России наблюдается определенный всплеск внимания к данной тематике в общественных дискуссиях и на различных информационных площадках. Тем не менее нельзя признать, что этот календарно-актуализированный общественный интерес носит широкий и глубокий характер. Он по традиционной схеме зачастую укладывается в поверхностные рассуждения об идеологических расхождениях интересов красных и белых, заложенные еще призмой упрощенной советской традиции. На наш взгляд, необходимы новые осмысление и оценка событий внутринационального противостояния, но они могут быть достигнуты лишь в случае выявления всех скрытых источников социального конфликта, приведших к глобальному гражданскому противостоянию.

В связи с этим обращение к анализу состояния правосознания и правовой культуры в крестьянской среде в предреволюционный период и различные фазы революционных событий важно, так как это актуальный аспект изучения глубинных источников социального конфликта, объясняющих в дальнейшем широкую вариабельность, а подчас и аномичность поведения представителей крестьянской среды на разных стадиях развития гражданского противостояния.

Одними из важных последствий, к которым привели названные эпохальные события 1917–1920 гг., стали глубокая трансформация сложившейся традиционной правовой культуры всех общественных слоев, сдвиг их политических, социальных, культурных, правовых ориентаций. Поведение крестьян в революционное время и период гражданской войны можно объяснить фрагментарностью их политико-правовой культуры. Правосознание и правопонимание этого сословия сочетало в себе разнонаправленные правовые установки, что придавало формам и проявлениям их участия в политической борьбе весьма противоречивый характер во время гражданского противостояния. В связи с этим необходимо дальнейшее историко-правовое исследование содержания правосознания представителей крестьянского сословия накануне военно-революционных событий в России через обращение к изучению содержания законодательства, определяющего жизнь крестьян того времени. В то же время важным аспектом является изучение

динамики ожиданий и настроений в общине, связанных с историческими преобразованиями первых десятилетий XX в. в жизни российского общества.

На формирование правового сознания крестьянства (прежде всего его антидворянской установки) в изучаемый период влияли многие факторы: многовековое крепостное право, нарастающий рост сословного антагонизма к помещикам, традиционное малоземелье и голодное существование, воздействие религии и правового нигилизма, неудачи в военных кампаниях начала XX в., правовая изолированность крестьянства, половинчатые по результатам последствия земельной реформы 1861 г., негативное воздействие на социальное самочувствие репрессирующих законов и многие другие причины. В одной публикации весь этот комплекс исследовать не представляется возможным, поэтому остановимся на двух последних, на наш взгляд, наиболее важных обстоятельствах из этого широкого списка.

Антагонизм к барину, его имуществу у русских крестьян формировался не одно столетие, а особенно его рост усилился в пореформенные годы. Потеряв в 1861 г. треть надельных земель, разочаровавшееся крестьянство с озлобленностью смотрело на обширные латифундии дворян. Такое враждебное отношение к владениям помещиков объяснялось также тем, что в правосознании представителей русской деревни слабо укоренились основы римского частного права и имело место по сути категорическое непринятие понятия «личная собственность», что конечно же объяснимо обособленным развитием страны от традиций европейского законодательства. Таким образом, в крестьянской среде и не могло возникнуть основания для уяснения священности и неприкосновенности любого чужого имущества, а также понимания того, что право на вещи возникает в результате правовых норм, установленных государством. На правосознании русского мужика отразилось и то, что преобразования 1861 г. не превратили его в собственника угодий, а сделали пользователем небольших наделов. Земельный фонд закрепили за общиной, а она распределяла его между селянами. Поэтому главным для них являлось право на труд, а не на собственность. По исторически сложившемуся твердому крестьянскому убеждению, правом на землю мог обладать только реальный труженик на этой земле, а у тех, кто не работал, можно изъять все, что необходимо общинникам. Отсюда следовало, что у помещика всего много и надо брать у него и в поле, и на лугу, и в лесу. Не обращая внимания на запреты официального закона, можно смело громить, поджигать и захватывать имения. Все это интенсивно и происходило в годы первой русской революции, а также весенне-летний период 1917 г.

Отметим, что многие пореформенные десятилетия крестьяне не теряли надежды избавиться от ма-

лоземелья и приобрести помещичью собственность. Вначале они уповали на государство, поэтому долго жила иллюзорная идея о возможном в скором времени «черном переделе» за счет фонда частновладельческих и казенных земель. Не помогли селянам и разного толка революционные народники, которые в случае успеха собирались принять закон об отмене помещичьего землевладения. Теоретик движения, А. И. Желябов, заявлял, что земля и орудия труда должны принадлежать народу и всякий работник вправе ими пользоваться. Не оправдались надежды крестьян на реформатора П. А. Столыпина, который разрушал общину и активно переселял их в отдаленные районы, но не собирался юридически ликвидировать помещичью собственность. Временное правительство в феврале 1917 г. после долгих обсуждений также не рискнуло законодательно ущемить интересы частных владельцев, и только в октябре большевики приняли Декрет и передали безвозмездно земли крестьянам. Весной 1918 г. хлебопашцы активно начали претворять закон в жизнь и конфисковать у хозяев поместий угодья, но бывшие царские генералы развязали гражданскую войну. А. И. Деникин исходил из концепции непредрешенчества, суть которой выражалась в тезисе: давайте сначала одержим победу, а потом решим вопрос и о крестьянах, и о земле. А. В. Колчак начал восстанавливать помещичье землевладение. П. Н. Врангель сделал попытку исправить эти оплошности белых генералов и затеял что-то похожее на аграрные преобразования, но опоздал, время упустил. После этого крестьянство повернулось в сторону большевиков, которые дали землю, и активно включилось в борьбу с бывшими землевладельцами, вступив в ряды Красной Армии. Вековые озлобленность и жестокость, естественно, отразились на крайне жестоких репрессивных методах ведения войны.

Т. В. Шатковская в этой связи справедливо, на наш взгляд, отмечает, что «апробация большевиками различных способов сосуществования с крестьянством определяла степень воздействия обычно-правовых принципов на содержание земельного права и отчетливо продемонстрировала эклектичность крестьянского правосознания» [1, с. 9].

Следует сказать, что враждебное отношение к дворянству во второй половине XIX – начале XX вв. значительно усиливали действующие в деревне жесткие законы о найме сельских рабочих.

Объясняется это тем, что основная многомиллионная масса бывших крепостных крестьян, получив в 1861 г. личную свободу и недостаточное для ведения хозяйства количество земли, быстро стала превращаться в наемных работников в деревне. Различные статистические материалы и исследования историков и правоведов показали, что $\frac{2}{3}$ российских крестьян либо совсем забросили землю, либо, имея

недостаточное количество лошадей и инвентаря, стали мало сеющими и, чтобы поддержать свое пошатнувшееся хозяйство, обращались к работе вне своего надела, в качестве батраков и поденщиков.

Первое законодательство об использовании свободных рабочих рук в поместьях появилось через два года после реформы 1861 г. Весной 1863 г. были приняты Временные правила о сельских рабочих, задачей которых являлось обеспечить бывших крепостников рабочей силой [2]. Законодательство отчетливо установило неравенство сторон при найме. Одна сторона (помещик) приобретала широкие права, а другая сторона (работник) получала только обязанности трудиться. Конечно, теперь найм становился свободным, от барина можно было уйти, но в то же время он мог воздействовать на наймита разными репрессивными способами. Так, например, за плохую работу или самовольный уход батрак не просто изгонялся из поместья, а штрафовался в размере двойного поденного заработка. Уход от хозяина до окончания работ закон запрещал. Крестьяне в это время говорили: «Нанялся – значит продался». Покинуть работодателя можно было раньше времени, только если батрак получил тяжелые увечья. В то же время владельцу разрешалось разорвать контракт с работником за малейшее нарушение. Интересно, что данное законодательство нанимателями оценивалось как слишком мягкое, нетребовательное и принятое на скорую руку. Не раз помещики обращались к правительству с просьбой пересмотра Временных правил.

Спустя четверть века, наконец, разработали новый специальный закон, который регулировал взаимоотношения рабочих и хозяев в селе. Под названием «Положение о найме на сельские работы» его опубликовали 12 июня 1886 г. [3], и он действовал до 1917 г. Это суровое постановление полнее и детальнее учитывало пожелания землевладельцев, ставило беднейшее крестьянство в еще большую зависимость и в то же время способствовало многократному росту вражды и ненависти к дворянам. Проанализируем данный свод правил.

Обратимся к сведениям о приемах заключения соглашений. Статьи 12 и 19 допускали две формы договоров: устные и письменные. Анализ текстов контрактов, сохранившихся в фондах волостных правлений Тульской губернии, показывает, что помещики предпочитали письменные документы, в то время как рабочие стремились сговориться в устной форме. Деревенская традиция считала, что простой сговор менее ответственный и тяжкий, но не учитывала, что его сложно оспорить в сельском суде.

Важнейшей частью в договорах были обязательства участников. Первейшим долгом селян считалась их явка на службу в оговоренное время. Плохо для работника было то, что ст. 48 четко день явки не уста-

навливала и предполагала, что работодатель и работник сами договорятся, но на деле обычно дату устанавливал помещик. Особенно сложно было наймиту, когда ему вместо конкретной даты записывали формулировку «явиться по первому требованию хозяина». Эта неопределенность держала его в постоянном напряжении. Если же батрак не прибыл в срок, закон разрешал заменить его родственником или заплатить штраф.

Очень похожи и нисколько не легче и другие условия найма, например запрет самовольно покидать хозяина (ст. 38). За невыполнение этой статьи закон буквально обрушивался разными суровыми карями на работника: его можно было выгнать или вернуть на службу через волостной суд. Самая жесткая санкция – штраф в размере двойной поденной оплаты. Но в деревне бытовали и другие воздействия, например, помещик мог не вернуть ушедшему работнику ранее заработанные деньги и, более того, за нарушение всего лишь гражданского договора добиться его ареста на месяц.

Следующее грозное требование – запрет прогулов, т.е. отсутствие наймита на рабочем месте без уважительной причины три дня подряд (ст. 53). Две другие статьи (ст. 50 и 51) четко устанавливали расплату за это нарушение – вычет из жалованья двойной оплаты за прогулянные дни. Если же помещик обратился в сельский суд с жалобой на прогульщика, то его уже неумолимо подвергали штрафу в абсолютно произвольном размере, в зависимости от влияния истца. Не удавалось в этом случае виновному спастись от розг, которых очень боялись крестьяне.

Жестко контролировал закон и попытки работников одновременно наняться к нескольким владельцам. Две статьи (ст. 7 и 36) требовали не брать на себя без одобрения первого нанимателя другую работу в чужом имении. Нарушителя запрета можно было согласно закону выгнать с работы, но можно было через суд подвергнуть розгам и вернуть первому хозяину. Остальным владельцам работник за причиненный ущерб возвращал взятые деньги.

Рассмотрим еще одну непростую обязанность наймита – покорно повиноваться хозяину и исполнять беспрекословно и усердно все его требования. Согласно ст. 35 если батрак проявляет беспечность и нерадивость во время службы, то хозяин имел право расторгнуть соглашение и взыскать с него за причиненные убытки. Любой оплошавший работник мог быть обвинен в умышленном причинении ущерба, и тогда возникала серьезная ответственность за все случившееся.

Очень показательной для нашего исследования является ст. 37, которая строго предписывала батракам неуклонное соблюдение интересов нанимателя и хорошее поведение во время нахождения в усадь-

бе. Следовало быть почтительными с семьей хозяина и вести себя тихо. Статья запрещала грубить, дерзить, курить, выпивать. Казалось бы, обычные требования, за невыполнение которых можно остаться без работы. Но помещик, если его ослушался батрак, начинал уголовно преследовать грубияна. И тогда всего лишь за резкость и скандальность можно было попасть под арест.

Статья 39 устанавливала отношение батраков к выданному хозяйскому имуществу и жестко диктовала беречь его, как свое собственное. За неаккуратность и небрежность с орудиями возникала ответственность. Если хозяйское добро пострадало случайно, то работник увольнялся, а если по неосторожности или умышленно, то кроме возмещения убытков следовал арест нарушителя, что явно превышало размеры содеянного.

Две статьи закона (ст. 50 и 51) регулировали характер труда сельских рабочих. Работать у помещика надо было напряженно, не покладая рук. Строго запрещались небрежная служба, безделье и пустое времяпрепровождение. Возможности покурить и передохнуть не предполагалось. Нарушение условий вело к увольнению и вычетам из жалования. В этих статьях указывалось, что в договорах следует четко прописывать основной круг обязанностей работника, но в реальной жизни этого никогда не соблюдалось. Не встречалось соглашений, где бы не было приписки: ни от каких работ не отказываться. Во всех поместьях полевые рабочие в свободное время поили лошадей, ремонтировали заборы и инвентарь, ухаживали за скотом и т.д. Для повышения усердия на тяжелых работах тульские землевладельцы применяли разные способы подгона нанятых крестьян. Практиковали либо сдельную оплату, либо выдачу водки во время покоса и жатвы.

В погоне за максимальной выгодой работодатели нередко пренебрегали принципами разделения труда по полу и возрасту. Статья 34 четко гласила, что хозяева не должны возлагать на несовершеннолетних работ, не свойственных их возрасту и силам. Однако охранять детский и женский труд помещики не стремились, о чем свидетельствуют выдвинутые запросы батраков во время забастовки в Тульской губернии летом 1906 г. Например, жители села Орловка (Епифанский уезд) объявили, что «женщины не должны выполнять работ мужчин... Дети не обязаны исполнять работу взрослых» [4].

Грустно было, что тяжелый труд в усадьбах сопровождался многочисленным травматизмом. Оберегая помещиков, ст. 46 советовала им, что если травмы будут приобретены по их вине, то надо всего лишь позаботиться о потерпевшей стороне. Но реально в деревне с искалеченными крестьянами происходило все иначе: их либо сразу выставляли из имения, либо,

если они были трудоспособными, оставляли служить сторожами или дворниками. При этом никакой материальной помощи со стороны государства или владельцев пострадавшим не оказывалось.

Отметим также такой любопытный факт: в Законе 1886 г. вообще ни слова не говорилось о продолжительности рабочего дня в селе – считалось, что это излишне. Обычно размер рабочего времени устанавливал сам хозяин, и ровнялся он размеру светового дня; летом доходил до 15 часов, а зимой – до 13 часов. Некоторые помещики этим не ограничивались и практиковали летние ночные работы при луне, фонарях и кострах, что вызывало недовольство участвовавших в этом.

Анализ архивных материалов по Тульской губернии показывает, что измученные продолжительным трудом сельские рабочие не имели нормальных помещений для отдыха. Статья 27 сообщала, что проблема жилья оговаривается при найме с хозяином и законом не регламентируется. Естественно, что о качестве жилья указаний не было, за исключением ст. 60, которая запрещала помещать работников в инфекционные помещения.

В Тульском государственном областном архиве находятся документы, которые помогают представить реальные условия проживания батраков. Это карточки обследования частновладельческих хозяйств за 1910–1912 гг., сохранившееся в фондах городской управы [5]. Картина не утешительная: «квартиры» построены полвека назад, устарели, обветшали, холодные и сырые. В основном это маленькие сараи, старые бани, амбары, конюшни и иногда казармы. Владельцы поместий, располагая ограниченным количеством и таких помещений, старались набить в них максимальное число прислуги.

Статья 34 исследуемого Закона – одна из самых гуманных. Она обязывала владельцев выдавать продовольствие для питания работникам хорошего качества, а главное, по составу и количеству соответствующее пище крестьянских семей среднего уровня в своей местности. Однако эти указания закона помещики оставляли без внимания. Договоры показывают, что тульские наниматели всячески экономили на питании работников. Продукты выделялись однообразные, растительного происхождения и в небольших количествах. Куски непропеченного хлеба шли на счет.

Осложняли жизнь нанятых крестьян повсеместное грубое обращение, унижения и издевательства над ними со стороны хозяев и их приказчиков. Статья 29 рекомендовала с ними обращаться справедливо. Но сельская практика показывает иное: зуботычины и ругань являлись обычным и привычным делом и в поле, и на скотном дворе. Были примеры и прямой расправы приказчиков-самодуров с наймитами, о чем не раз сообщали губернские газеты [6].

Закон 1886 г. регламентировал и вознаграждения крестьян за труд в усадьбах помещиков. Целых пять статей (ст. 26, 27, 30, 45, 68) обращали внимание владельцев на добровольный характер установления размера оплаты, ее денежную форму и выдачу жалования в срок. В случае обмана спор могли решать в волостном суде. На первый взгляд – четкая защита прав наймитов, но архивные материалы показывают противоположное [7]. Задержка оплаты, необоснованные вычеты, заниженное вознаграждение женщинам – эти и другие пороки считались обычным явлением. В Тульской губернии не было выступлений сельских рабочих без требования повысить им оплату труда.

Отметим, что Закон о найме распространялся на всю страну и повсеместно и дружно нарушался владельцами. Поэтому тульские крестьяне, которые уходили на заработки в другие местности, попадали в такие же жесткие условия, как и те, кто работал рядом с домом. Тульская губерния все пореформенное время входила в число районов с хорошо развитыми отхожими промыслами. Надеясь заработать лишний рубль, обедневшие крестьяне отправлялись из родного села на все лето. Чиновник М. П. Кашкаров, исследовавший направления отхода местных крестьян в начале XX в., подчеркивал, что промысел однообразен и идет в основном в трех направлениях: столицы, юг страны и соседние губернии. Первые два направления хорошо изучены в литературе, поэтому остановимся на третьем курсе – подработке в соседней Калужской губернии.

Из сообщений калужских корреспондентов ясно видно, что две статьи Закона (ст. 48 и 50) здесь необоснованно нарушались. За неявку по договору на работу приходившие рабочие платили неустойку, которая в несколько раз превышала заработок. Предельно продолжительным и интенсивным устанавливался в губернии рабочий день. У некоторых помещиков начинали работать в 2 часа ночи, а хозяин, у которого работали с 5 утра, оценивался как благодетель. Из Козельского уезда информировали: «Если бывает отдых в полдень, то делается это только для рабочего скота» [8]. Местные наниматели обязывали рабочих трудиться и в выходные дни, и в праздники, но этого им было мало, и в 1903 г. они обратились с письмом в Синод с предложением аннулировать некоторые праздничные нерабочие дни.

Вызывало возмущение отхожих работников и нарушение ст. 34 об их питании. В «Статистическом описании Калужской губернии» за 1898 г. есть потрясающее по содержанию сообщение: «Рабочие во владельческих хозяйствах умирают с голоду... Кормят дохлятиной, сырьем, с навозом» [9]. Каждые прожитые сутки у такого нанимателя способствовали росту ненависти к нему.

Статья 34 также содержала указание не возлагать на подростков работы, не свойственные их возрасту и силам. Батраки, пребывающие в губернию, приводили с собой часто и детей, которым быстро находили различные занятия: сажать, полоть, пасти скот, возить воду и т.д. Такая работа отнимала все силы у 10-летнего ребенка. Помещики размышляли, как еще можно детский труд интенсифицировать и совершенно серьезно предлагали для посадки леса привлекать 12-летних девочек, которым хотя и очень тяжело, но каждая из них в день может посадить 1700 саженцев [10].

Приведем еще один факт, который, на наш взгляд, явно поспособствовал углублению враждебности крестьян к бывшим крепостникам, а именно подчинение помещиками своему влиянию волостных судов.

Созданный в 1861 г. суд состоял из крестьян, руководствовался в своих решениях местными обычаями и должен был защищать интересы обиженных селян. Основной массе жителей деревни первые десятилетия очень нравилось, что он рядом с домом, в нем заседает свой брат-мужик, здесь быстро решают вопросы, стремятся к примирению сторон, а самое важное, поддерживают сельских рабочих в их спорах с помещиками, когда владельцы нарушают закон о найме.

Справедливости ради необходимо отметить, что существовала полемика среди ученых по вопросу будущности волостных судов. Активным защитником крестьянских судов выступил исследователь П. Скоробогатый [11]. На сохранении волостных судов настаивали Н. В. Калачов, В. В. Птицын, П. А. Матвеев. Они считали, что народное правосудие близко крестьянам «по духу» и месторасположению, а также доступно по цене [12; 13; 14].

Обосновывали свою позицию сторонники сохранения крестьянских судов и действенности народных обычаев наличием принципиальных расхождений между законами и крестьянскими правовоззрениями, а также несоответствием официальных норм условиям народного быта [15, с. 20]. Иной точки зрения придерживались в своих работах А. А. Риттих, П. Н. Обнинский, Ф. Уманец. Они предлагали уравнять крестьян в сфере правосудия с представителями других сословий, уничтожив специальные крестьянские учреждения. Ф. М. Уманец считал, что сельские суды следует заменить [16, с. 112].

Однако через 30 лет многое изменилось. В 1889 г. были приняты Временные правила о волостных судах. Это объясняется тем, что правительство задумало увеличить надзор и контроль за их деятельностью, сузить их самостоятельность и передать земскому начальнику как представителю дворян право вторгаться в работу судов на любом этапе. Земский начальник утверждал в должности избранных сельских судей,

приводил их к присяге, два раза в год осуществлял ревизию судов и при необходимости мог защитить интересы дворян.

Естественно, оказавшись под таким давлением и контролем дворянства, волостной суд начал принимать приговоры о нарушениях найма не в пользу односельчан. Так, например, в делах судов тульских волостей встречаются многочисленные жалобы на жестокое и бесчеловечное обращение с батраками. Теперь крестьянские суды в своих решениях в лучшем случае разрешали пострадавшим наймитам покинуть подобных помещиков и разорвать с ними договор найма. Поломку вверенного работнику инвентаря, за которую по закону надо было всего лишь возместить размер убытка, по требованию помещика суд объявлял кражей и привлекал нарушителя к уголовной ответственности. Строптивного наймита согласно ст. 37 разрешалось уволить, однако через суд владелец мог добиться ареста нарушителя спокойствия в имени и выпороть его розгами. Особенно было обидно крестьянам, когда за прогул по закону полагался двойной штраф, а суд в угоду бывшему барину присуждал более высокий размер вычета из зарплаты. Но больше всего попирались права работников, когда владелец, угостив членов волостного суда ведром водки, добивался для себя любого нужного решения.

Таким образом, историко-правовой анализ становления правосознания представителей столь неоднородной крестьянской массы показывает, что формирование его разновекторных правовых установок и базовых ориентаций шло в течение довольно продолжительного промежутка времени. В правовом сознании крестьян в предреволюционный период переплетались традиции общинности с их особой посреднической ролью в решении большинства правовых вопросов, примата общественных интересов над личными, негативного отношения к индивидуализму, неприятия самой идеи частной собственности на землю, альтернативы позитивного права сельскому обычаю, гибкой преемственности к изменениям в социальной среде. Эти традиции в итоге соотносились с официальными законодательными установлениями, которые на самом деле были даже менее суровыми, чем правовой обычай, например, в рассмотренном законодательстве о сельских рабочих. В ходе же революционных потрясений и гражданской войны такие эклектично сложившиеся правовые ориентиры крестьянства сперва пришли в активное движение, претерпели значительную трансформацию, что было связано с определенными ожиданиями и настроениями в изменении их правового положения, но вскоре были значительно дезориентированы, что и привело в годы гражданской войны к участию крестьян в красном терроре.

Пристатейный библиографический список

1. Шатковская Т. В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века : историко-правовой аспект : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009.
2. Высочайше утвержденное общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 36. Отд. 1. СПб., 1863. № 36657.
3. Положение о найме на сельские работы от 12 июня 1886 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 6. СПб., 1888. № 3803.
4. Тульские известия. 1906. № 14.
5. Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. 4. Оп. 4. Д. 650–660.
6. Тульские известия. 1906. № 16.
7. ГАТО. Ф. 105. Оп. 1. Т. 1. Д. 16, 83.
8. Статистическое описание Калужской губернии. Т. 1 : Козельский уезд. Вып. 2. Калуга: Тип. Губ. правл., 1898.
9. Статистический обзор Калужской губернии за 1898 г. Калуга, 1899.
10. Первый съезд тульских землевладельцев. Тула, 1895.
11. *Скоробогатый П.* Очерки крестьянского суда. М., 1882.
12. *Калачов Н. В.* О волостном и сельском суде в древней и новой России. СПб., 1880.
13. *Птицын В. В.* Обычное судопроизводство крестьян Саратовской губернии. СПб., 1886.
14. *Матвеев П. А.* Крестьяне и Свод законов: по поводу составления нового Гражданского уложения. М., 1883.
15. Шатковская Т. В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антрометрии. Ростов н/Д : Изд-во РГЭУ, 2000.
16. *Уманец Ф. М.* Из моих наблюдений по крестьянскому делу. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1881.

References

1. *Shatkovskaia T. V.* Customary Law of Russian Peasants of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Historical and Legal Aspect: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Rostov-on-Don, 2009.
2. The Highest Approved General Provision on Peasants Who Came out of Serfdom on 19 February 1861. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Coll. 2. Vol. XXXVI. Part 1. St. Petersburg, 1863. No. 36657.
3. Rural Employment Regulation of 12 June 1886. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Coll. 3. Vol. 6. St. Petersburg, 1888. No. 3803.
4. *Tula News*. 1906. No. 14.
5. *State Archive of the Tula Region*. F. 4. Op. 4. D. 650–660.
6. *Tula News*. 1906. No. 16.
7. *State Archive of the Tula Region*. F. 105. Op. 1. Vol. 1. D. 16, 83.
8. Statistical Description of the Kaluga Province. Vol. 1: Kozelskii Uyezd. Vol. 2. Kaluga: Printing House of the Provincial Government, 1898.
9. Statistical Review of the Kaluga Province for 1898. Kaluga, 1899.
10. The First Congress of the Tula Landowners. Tula, 1895.
11. *Skorobogaty P.* Essays of the Peasant Court. Moscow, 1882.
12. *Kalachev N. V.* On Township and Village Court in Ancient and New Russia. St. Petersburg, 1880.
13. *Ptitsyn V. V.* Ordinary Proceedings of the Peasants of the Saratov Province. St. Petersburg, 1886.
14. *Matveev P. A.* Peasants and the Code of Laws. Moscow, 1883.
15. *Shatkovskaia T. V.* Legal Mentality of Russian Peasants of the Second Half of the 19th Century: The Experience of Legal Antrometry. Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov State Economic University, 2000.
16. *Umanets F. M.* From My Observations on the Peasant Case. St. Petersburg: A. S. Suvorin's Printing House, 1881.